

Абубакар Бокриев

**ХРОНИКИ ГРЕЙВИНДА
- ЭХО ЗАБЫТОЙ МАГИИ**

«Автор»

2026

Бокриев А.

ХРОНИКИ ГРЕЙВИНДА - ЭХО ЗАБЫТОЙ МАГИИ /

А. Бокриев — «Автор», 2026

Может ли один двенадцатилетний мальчишка изменить судьбу целого королевства? Тарион Грейвинд рос самым обычным подростком в нищей деревушке на окраине мира. Но один случайный поход вглубь запретного Верескового леса меняет всё. Коснувшись древнего лазурного артефакта, Тарион пробуждает Око Бури — магию ветра, которая спала тридцать лет. Теперь за ним охотятся грозные монстры подземелий и личная гвардия короля во главе с безжалостным Лордом Валерианом. Чтобы спасти свою любящую семью, Тариону придется поверить в свои силы, прислушаться к шепоту стихии и совершить грандиозный побег на крыльях Лунного Грифона. Это летящая ввысь, воздушная история о том, что добро и справедливость всегда побеждают Тьму, если в твоём сердце живет искренняя любовь. Впереди Грейвиндов ждет заоблачный полет к Столице Семи Башен, где скрыто эхо забытой магии их отца... Настоящие приключения начинаются прямо сейчас!#

© Бокриев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2.	11
Глава 3. Исчезновение Аллана	19
Глава 4. Попутчик из чаши	24
Глава 5. Серые холмы и ловушка гоблинов	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

ХРОНИКИ ГРЕЙВИНДА - ЭХО ЗАБЫТОЙ МАГИИ

Глава 1

Дым над Каменным Ручьём

Приглушённый, металлический скрип старого флюгера на крыше дома Грейвиндов давно стал для жителей Каменного Ручья своеобразным барометром. Флюгер нутужно стонал, поворачиваясь к востоку и крестьяне торопились убирать солому под навесы. Если же, как в нынешнее осеннее утро, он отчаянно визжал, замирая в направлении Серых холмов, это означало лишь одно: со стороны ледяных пустошей идёт резкий, пронизывающий ветер, способный выдуть последнее тепло из каминов. Тарион открыл глаза за мгновение до того, как первая капля ледяного конденсата сорвалась с потемневшей деревянной балки потолка и упала ему прямо на лоб.

Мальчик вздрогнул, вытер лицо рукавом старой, изрядно заштопанной рубахи и замер, прислушиваясь к звукам дома. Совсем недавно ему исполнилось двенадцать лет — возраст, когда мальчишки в больших городах уже всюю помогают отцам в ремесленных лавках или даже уезжают учиться в Столицу Семи Башен, если их семьям повезло с достатком. Но здесь, на далёкой окраине королевства, время как будто текло иначе. Медленнее, тяжелее, тягуче застревающая в каменистой почве и цепляясь за колючие ветви бесконечного Верескового леса.

Тарион осторожно, стараясь не потревожить сестёр, спустил ноги на земляной пол. Настил был холодным как лёд, и мальчик тут же пожалел, что не надел свои старые кожаные поршни с вечера. Он был обычным подростком с растрёпанной копной каштановых волос, которые всё время торчали в разные стороны, сколько бы мама ни пыталась пригладить их мокрой ладонью.

Слева от него, свернувшись плотным клубком под тяжёлым лоскутным одеялом, спали сестры-близняшки. Клара и Эмма. Даже во сне пятилетние девочки ухитрялись занимать почти всё свободное пространство на узких деревянных нарах. Их длинные светлые косички перепутались, а мерное, тихое сопение нарушало привычную тишину комнаты. На их бледных щеках виднелись едва заметные, блёклые крапинки веснушек — семейная черта Грейвиндов, которая у девочек проявлялась лишь при ярком летнем солнце, а к осени почти полностью исчезала.

Внешне ничем не примечательное лицо скромного, неприметного мальчишки: приятные черты, округлый подбородок и глаза — зелено-карие, с лёгкими золотистыми искорками в самой глубине зрачков. В этих глазах часто читалось то особое, детское упрямство, которое взрослые обычно принимают за обычную капризность.

Тарион чувствовал себя взрослым. По крайней мере, ему очень хотелось им быть.

Ему казалось, он уже способен на серьёзные поступки и может приносить пользу, защищать маму и помогать старшему брату Аллану.

Но реальность каждый раз щёлкала его по носу, напоминая, что для окружающих он остаётся всего лишь ребёнком, чьё мнение мало кого интересует.

В главной комнате, которая служила одновременно и кухней, и гостиной, уже всюю хозяйничала мама. Мария Грейвинд была женщиной строгой и жёсткой, как и полагалось матери, в одиночку тянущей четверых детей в самом бедном углу Каменного Ручья. Её доброта никогда не была слабой или приторной; это была суровая, деятельная любовь, проявлявшаяся в чистых рубашках, вовремя заштопанных штанах и горячей, пусть и жидкой, похлёбке на столе. Её светлые волосы, унаследованные Алланом и близняшками, были привычно собраны в тугую, аккуратную пучок на затылке.

Ни одна прядь не должна была упасть во время работы, ничто не должно было отвлекать от бесконечных домашних дел.

Сейчас Мария стояла у очага, умело орудуя тяжёлой железной кочергой, а под глазами залегли глубокие, серые тени — следы хронического недосыпания и вечной тревоги за завтрашний день. Дом Грейвиндов был крошечным, покосившимся строением из грубого камня с соломенной крышей, которая каждую осень требовала ремонта. Внутри всегда пахло торфяным дымом, сушёной полынью, которую Мария вешала от моли, и застарелой сыростью, пробивавшейся сквозь щели в полу.

— Опять поднялся ни свет ни заря, — не оборачиваясь, сухо бросила Мария. Её голос, несмотря на усталость, прозвучал хлестко, как щелчок кнута, но вместе с тем и с материнской нежностью. — Мой малыш, ты бы лучше проверил, осталась ли вода в кадке. Или может, мне самой идти к колодцу с утра пораньше?

— Я проверю, мам, — Тарион подошёл ближе, стараясь казаться полезным. — Давай я помогу раздуть угли. Я умею, я быстро...

— Не трогай кочергу, не дай бог, ещё обожжёшься, — отрезала мать, ловким движением слегка отодвигая его в сторону. — Лучше иди за водой. Да поторапливайся, Аллан скоро вернётся с ночной смены у мельника, его кормить надо.

Тарион прикусил губу. Внутри у него вскипела привычная, детская обида. Ну почему она всегда так? Обожжёшься... Он ведь просто хотел помочь! Он не маленький ребёнок, которому нельзя доверить кусок железа. Но спорить с матерью было бессмысленно: строгий взгляд её серых глаз мог заставить замолчать даже самого заядлого деревенского спорщика.

Мальчик взял тяжёлое деревянное ведро с треснувшим верхним обручем и направился к выходу, но на пороге чуть не столкнулся с Алланом. Старший брат шумно ввалился в дом, неся с собой холодный воздух улицы и густой запах свежемолотой муки. Аллан был высоким, широкоплечим семнадцатилетним парнем.

Он пошёл весь в маму — те же светлые волосы, те же серые, пронизательные глаза, но на его молодом лице уже отпечатались суровая взрослая жизнь. Руки Аллана были покрыты мозолями от тяжёлого труда, а плечи слегка сутулились, словно он постоянно нёс на себе невидимый, тяжкий груз.

— Здорово, братишка, — устало улыбнулся Аллан, потрепав Тариона по каштановым волосам. Этот жест немного мальчика раздражал, ведь он лишний раз подчёркивал разницу в их положении. — Куда это ты собрался с ведром? Аааа, хочешь помочь маме, молодец, будь всегда таким, ну, а я пока присяду. Ох, как ноги гудят, будто я всю ночь пешком до Столицы шёл.

— Аллан, — Мария тут же обернулась от очага, и её строгое лицо на секунду смягчилось. — Ну что? Мельник заплатил?

Аллан вздохнул, прошёл к столу и со стуком опустил на потемневшие доски несколько мелких медных монет. Их было прискорбно мало — едва хватит на мешок овса низкого качества и соль.

— Старый брюзга опять нашёл к чему придрататься, — хмуро ответил Аллан, садясь на табурет и вытягивая длинные ноги. — Сказал, что жернова работали медленно из-за слабого напора воды в ручье, и скинул две монеты. А то, что я всю ночь таскал мешки по скользкой лестнице, его не волнует. Ещё и поговаривают, что в Серых холмах опять закрывают дальние каменоломни. Стражники там крутятся, никого не пускают. Странно всё это.

Мария нахмурилась, её пальцы крепче сжали край передника.

— Стражники? В каменоломнях? Что им там делать, среди пустой породы и старых шахт? — в её голосе промелькнула странная, едва уловимая тревога, которую Тарион, впрочем, заметил. Мать редко проявляла страх, обычно она просто становилась ещё строже.

— Не знаю, мам, — Аллан покачал головой. — Но шахтёры шепчутся, что из старых забоев, которые забросили ещё во времена дедов, начал доноситься какой-то гул. Будто земля дышит. Староста говорит, это обвалы из-за осенних дождей и люди просто боятся. Никто не хочет туда идти, даже за двойную плату.

Тарион слушал их разговор с затаённым дыханием, от чего безумно хотелось вставить своё слово, рассказать — он тоже слышал странные сказки от старого Томаса у колодца, но знал, они в ответ лишь отмахнутся от него. «Иди поиграй», «Не твоего ума дело» — вот и всё, что он услышит. Он почувствовал себя невероятно одиноким и обделённым в этой маленькой, тесной комнате, где все были заняты важными, взрослыми проблемами, а он оставался лишь обузой, которую нужно ежедневно кормить.

В этот момент из спальни с оглушительным криком выскочили близняшки, Клара и Эмма, они, как обычно, не поделили что-то с самого утра.

— Она забрала мою куклу! Мама, ну скажи ей! — визжала Эмма, пытаясь вырвать из рук сестры оборванную тряпичную фигурку без одного глаза.

— Не забирала я! Это моя, у твоей куклы платице было синее, а это серое! — отбивалась Клара, активно работая локтями.

Девочки были точной копией друг друга: круглые личики, светлые растрёпанные косички и упрямо вздёрнутые носики. Их появление мгновенно снесло остатки утренней тишины.

— А, ну тихо! — рявкнула Мария так, что девчонки мгновенно замерли, прижав уши, как испуганные зайчата. — Разорались с утра пораньше! Клара, отдай куклу сестре. Эмма, живо за стол. Если я ещё раз услышу этот визг, обе останетесь без завтрака и будете весь день перебирать фасоль в кладовой. Всем понятно?

Девочки испуганно закивали, моментально растеряв весь свой воинственный пыл. Мария умела наводить порядок одним голосом. Она повернулась к Тариону, который всё ещё стоял у двери с ведром.

— А ты чего застыл, как соляной столп? Марш за водой! И смотри, не разлей половину по дороге, как в прошлый раз.

Тарион словно вылетел из дома, чувствуя, как к горлу подступает горячий комок обиды. «Как в прошлый раз... — крутилась мысль в голове. — Это было три месяца назад! Я тогда просто споткнулся о корень!» Ему казалось, что мама порой несправедлива к нему.

Он ведь делает всё, что может. Он хочет быть полезным и чтобы Аллан гордился им, а мама улыбалась и не смотрела на него как на ходячую проблему.

Улица встретила сырым, пронизывающим ветром, холодящим беспокойное сердце мальчика. Каменный Ручей казался серым, неприветливым и унылым. Дома жителей, построенные из тёмного сланца, жались друг к другу вдоль грязной, разбитой телегами дороги. Вокруг деревни расстился, словно чудный ковёр вереск, который сейчас увядая, казался бурым и грязным. А за вересковыми полями тёмной, зловещей стеной вставал таинственный Вересковый лес. Огромные, вековые деревья с перекрученными стволами словно тянули свои костлявые ветви к небу, безмолвно охраняя свои сокровенные тайны. Жители деревни никогда не ходили вглубь леса в одиночку.

Считалось, что там обитают древние духи, оставшиеся со времён, когда людей в этих краях ещё не было. Старики поговаривали, что когда-то очень давно этот лес был частью огромного магического королевства, но после великой катастрофы магия ушла, оставив после себя лишь опасные руины и странных тварей.

Тарион подошёл к общему колодцу, который располагался в центре деревни. Там уже стояло несколько местных жителей. Среди них был старый кузнец Бернارد и тётушка Марта, местная сплетница.

— Доброе утро, — тихо и вежливо поздоровался Тарион, пытаясь дотянуться до тяжёлого железного ворота колодца.

Бернард, грузный мужчина с покрытым копотью лицом, лишь мельком взглянул на мальчика и хмыкнул.

— А, это ты, Грейвинд-младший. Отойди-ка, не ровен час, упустишь ведро в шахту, лови его потом. Станешь взрослее, тогда смело можешь поднимать, — кузнец отодвинул Тариона мощным плечом, и сам крутанул ручку. — Слышали, что на болотах творится? Охотники говорят, вода там закипела посреди ночи. Синим пламенем горела, словно кто-то невидимый её снизу огнедышащим вулканом подпёр!

— Ой, боженьки, — запричитала тётушка Марта, прижимая руки к груди. — Не к добру это. Королевские ведьмаки из Столицы неспроста, видать, указы рассылают. Говорят, ищут кого-то. Наверное, опять колдуны недобитые объявились. Навлекут на нашу деревню невиданную беду...

Тарион стоял рядом, чувствуя, как его снова проигнорировали. Он хотел сказать, что может сам поднять ведро и он сильный, но его слова лишь тихо утонули в громких голосах взрослых. «Никому я не нужен, — с горечью подумал он, забирая наполненное кузнецом ведро. — Для всех я просто маленький Тари, который постоянно путается под ногами».

По дороге домой ведро казалось невероятно тяжёлым. Вода плескалась, заливая его старые штаны, но Тарион упрямо шёл вперёд, сжав зубы и глядя на горизонт, где Серые холмы встречались с небом. В его голове зрела шальная, беспокойная мальчишеская мысль. «Я докажу им. Докажу маме, Аллану, всей деревне, что я могу сделать что-то важное. Сегодня же пойду в Вересковый лес. На старую просеку. Там никто не ходит, потому что боятся сказок. А я не боюсь. Я наберу столько сухого валежника, что нам хватит на всю зиму. Мама сама увидит, какой я помощник».

Когда он вернулся в дом, каша уже стояла на столе. Аллан быстро ел, торопясь лечь спать после тяжёлой смены. Близняшки шумно возили ложками по тарелкам, то и дело толкая друг друга локтями под строгим присмотром Марии.

Тарион молча поставил ведро в угол и сел за стол. Мать положила ему его порцию — жидкую, полупрозрачную овсянку без капли масла.

— Ешь быстрее, — строго сказала она. — Сегодня нужно перестирать всё бельё, пока дождь не пошёл. Аллан будет спать, так что сидите в комнате тихо. Тарион, после еды возьмёшь верёвку и пойдёшь к опушке леса.

Наберёшь веток для растопки. Только к самому лесу не приближайся! Крутись возле старой изгороди. Понял меня?

— Понял, мам, — буркнул Тарион, усердно изучая дно своей миски. Внутри него всё ликовало. Мать сама посылала его за дровами! Конечно, она велела крутиться у изгороди, где давно уже все собрали до последней щепки. Но он-то знал, куда пойдёт на самом деле. Он пойдёт дальше. Туда, куда взрослые ходить боятся.

После завтрака, когда Аллан ушёл в спальню и оттуда вскоре донеслось его тяжёлое, усталое сопение, Тарион начал собираться. Он взял старую холщовую сумку, прочную пеньковую верёвку и тихонько направился к двери.

Мама Мария в этот момент стояла спиной к нему, отмывая большой чугунный котелок. Её пучок волос немного съехал набок, а плечи тяжело вздымались от каждого движения. На секунду Тариону стало жалко её. Ему захотелось подойти, обнять маму, пообещать, что всё будет хорошо. Но он вовремя вспомнил её строгий тон и удержался. «Вот принесу дрова — тогда и обниму», — решил он.

— Я ушёл, мам, — тихо сказал он, приоткрывая дверь.

— Помни, что я сказала! К лесу ни шагу! — не оборачиваясь, крикнула Мария. — Если узнаю, что ослушался, буду тебя наказывать. Слышишь меня, не смей самовольничать!

Тарион закрыл дверь и облегчённо вздохнул. На улице ветер стал ещё холоднее, но мальчика это не пугало. В его груди разгорался нешуточный азарт. Он чувствовал себя героем из

старых баллад, которые иногда пели бродячие музыканты на ярмарках. Тем героем, который идёт вопреки запретам взрослых, чтобы спасти свою семью от холода и голода. В этот момент он был абсолютно уверен в своей правоте: истинно упорство упрямых детей, когда желание доказать свою значимость затмевает любой здравый смысл.

Он быстро миновал окраину деревни, прошёл мимо покосившейся старой изгороди, о которой говорила мама. Как он и ожидал, собирать здесь было нечего — земля была чистой, словно её аккуратно подмели веником. Тарион, не колеблясь ни секунды, повернул в сторону Верескового леса.

Тропинка, ведущая в чашу, постепенно сужалась, пока совсем не исчезла под густым ковром увядающего вереска. Фиолетовые цветы, тронутые первыми заморозками, выглядели как хрупкие стеклянные колокольчики. Стоило Тариону сделать несколько шагов под навес вековых дубов, как окружающий мир резко изменился.

Звуки деревни — далёкий лай собак, стук кузнечного молота, крики петухов — внезапно смолкли, словно их отрезало невидимой стеной. В лесу царила неестественная, оглушительно мёртвая тишина. Даже ветер, который только что едва не сдувал с него куртку на открытом поле, здесь утих. Воздух стал плотным, холодным и каким-то серебристым, словно наполненным невидимой пылью.

Тарион тихо шёл вперёд, внимательно смотря под ноги. Ему везло: под огромными деревьями валялось много сухих, крепких ветвей, которые идеально подходили для очага. Мальчик присел, начал собирать их и связывать верёвкой. Его сумка постепенно тяжелела. Внутри у него росло чувство гордости. «Вот увидят! А говорили, я ни на что не годен! Я набрал отличных дров!»

Однако обычный валежник вскоре закончился. Чтобы собрать полную связку, Тариону пришлось углубиться в лес ещё дальше, туда, где деревья росли так тесно, что их переплетённые кроны почти полностью закрывали небо. Полумрак мгновенно сгустился. Мальчик почувствовал, как по его спине пробежал лёгкий мороз. Это был не холод — это было странное, покалывающее чувство, словно кто-то невидимый пристально наблюдал за каждым шагом мальчика прямо из глубины чащи.

«Может, повернуть назад? — мелькнула робкая, детская мысль. Страх, который он так успешно игнорировал в деревне, начал медленно подбираться к сердцу. — Мама ведь предупреждала...»

Но детское упрямство взяло верх. «Нет, ещё чуть-чуть. Вот ту большую ветку возьму и уйду».

Шагнув вперёд, он раздвинул колючие ветви можжевельника и замер. Впереди открылась небольшая, идеально круглая поляна. В её центре, среди бурого вереска, лежал огромный желтоватый валун, сплошь покрытый серым древним мхом.

Камень выглядел так, словно лежал здесь с самого сотворения мира. Но поразило Тариона совсем не это.

В самом центре валуна, глубоко врезавшись в её каменную плоть, торчал странный, продолговатый предмет. Это был непонятный металлический осколок, похожий на светоносный лепесток, от которого мягко отливала глубокий, лазурный свет. Вокруг осколка воздух заметно дрожал, как над костром в жаркий летний день, а во все стороны расходились тонкие, свтящиеся синие нити, которые пронизывали мох, уходили вглубь камня и терялись в корнях окружающих деревьев.

Тарион затаил дыхание. Его неуёмное любопытство мгновенно вытеснило весь страх. Он никогда в жизни не видел ничего подобного. Ни в одной сказке, ни в одном рассказе стариков не упоминалось о свтящихся синих камнях посреди леса.

Вдруг в тишине поляны раздался странный звук. Это был тихий, хрустальный звон, будто кто-то невидимый задел тугую струну огромной арфы. А следом за звоном донёсся шёпот.

Звук шёл прямо от лазурного осколка. Голос был тихим, шелестящим, как сухие листья, но Тарион отчётливо услышал собственное имя:

«Та-ри-он... Та-ри-он Грей-винд...»

Мальчик оцепенел. Разум кричал ему, что нужно бежать, бросить дрова, сумку и мчаться назад к маме, под защиту строгого взгляда и тёплого очага. Но его ноги словно приросли к земле. Неведомая, притягательная сила влекла его вперёд. Шаг. Ещё шаг. Он медленно приближался к валуну, словно двигаясь во сне. В его мыслях вдруг пронеслись лица мамы, уставшей, с синяками под глазами, Аллана, измождённого после ночной смены, маленьких сестёр, плачущих из-за сломанной куклы. Мальчику показалось, что, если он прикоснётся к этому синему свету, все их проблемы разрешатся сами собой.

Мама больше не будет строгой, Аллан перестанет гнуть спину на мельнице, а у них дома всегда будет полно разнообразной еды. Это было наивное желание мальчика совершить чудо, спасти всех одним махом.

Он протянул руку. Его ладонь задрожала. Кончики пальцев оставались в считанных сантиметрах от вибрирующей лазурной поверхности. Воздух вокруг светящегося осколка был тёплым и приятно покалывал кожу.

Стоило его пальцам коснуться холодного металла, как мир вокруг него содрогнулся.

Земля под ногами Тариона резко ушла вниз, словно поляна превратилась в падающий лифт. Оглушительный, раскатистый гул, похожий на одновременный удар тысячи громов, потряс Вересковый лес. Из камня вырвался ослепительный, светящийся лазурный столб, который с силой взмыл вверх, пробивая вековые кроны деревьев и уходя высоко в хмурое осеннее небо.

Тарион почувствовал, как сквозь его тело прошёл мощный, но безболезненный разряд неземной энергии. Это было дикое, первобытное чувство полёта. В его голове одновременно зазвучали тысячи голосов, шепчущих древние, забытые заклинания на неизвестных языках. Золотистые искорки в его глазах вспыхнули с неистовой силой, а веснушки на тыльной стороне ладоней на секунду засияли изумительно чистым золотом.

Древний валун с треском раскололся надвое, выбросив фонтан каменной крошки.

Лазурный осколок сам прыгнул в ладонь мальчика, мгновенно угаснув и превратившись в тяжёлый, круглый медальон на изящной цепочке из странного, невесомого сплава. Гул прекратился так же внезапно, как и начался, а лес снова погрузился в мёртвую, звенящую тишину.

Тарион тяжело дышал, стоя на коленях посреди разрушенной поляны. На его шее висел необычайно красивый медальон, который приятными струйками лёгкого тока согревал грудь сквозь ткань рубахи.

Он испуганно разглядывал свои руки, не понимая, что произошло. Ему казалось, что это какой-то необычайно захватывающий сон. Неуёмное упрямство и желание помочь привели к чему-то явно необычному, что выходило за рамки случайного мальчишеского приключения.

Вдруг тишину леса пререзал другой звук — далёкий, полный нечеловеческой боли и первобытного ужаса крик и кровь застыла в жилах изумлённого подростка.

Это был голос Аллана. Крик доносился со стороны Серых холмов. В нём слышалось такое отчаяние, какого Тарион никогда не слышал от своего сильного старшего брата.

А вслед за криком из чащи раздался тяжёлый, глухой топот огромных лап, стремительно приближающийся к поляне, где в полном одиночестве стоял напуганный мальчик.

Глава 2.

Шепот Верескового леса и тайны прошлого

Лазурный осколок, ставший теперь тяжелым круглым медальоном, мягко и ритмично пульсировал на груди Тариона, словно внутри него билось живое, но очень маленькое сердце. Мальчик все еще стоял на коленях, уткнувшись ладонями в разверзшуюся, парящую землю, которая пахла озоном, паленой шерстью и старой, застоявшейся сыростью — так пахнет в древних, заброшенных склепах, куда веками не проникал солнечный свет. Гул в ушах постепенно утихал, оставляя после себя тонкий, навязчивый звон, но на смену ему шел другой звук. Звук, который заставил волоски на голове испуганного отрока встать дыбом и вызвал липкую волну первобытного страха.

Тяжелый, глухой топот. Земля под коленями Тариона мелко дрожала в такт этому бегу, заставляя мелкие камешки и сухие фиолетовые соцветия вереска подпрыгивать на мху. Кусты можжевельника на самом краю поляны с сухим треском ломались, будто сквозь них, не разбирая дороги, продирался огромный разъяренный бык. Но это был не бык. Жители Каменного Ручья твердо знали суровый закон здешних мест: если из плотного, серого тумана Серых холмов выходит что-то большое, нужно бежать без оглядки и сразу молиться Богу. Здесь не водилось мирных зверей таких масштабов.

«Аллан! — диким набатом пронеслось в панических мыслях Тариона, заставив его на секунду забыть, как дышать. — Это был крик Аллана! Моего сильного, терпеливого брата... Что с ним случилось? Где он?»

Страх за брата, который всю жизнь служил для него защитой от любых деревенских бед, на мгновение оказался сильнее страха за собственную жизнь. Мальчик попытался резко встать, но его ноги были словно налиты свинцом, отказываясь повиноваться командам разума. Детская слабость, которую он так отчаянно пытался побороть в себе, снова сковала его тело в самый неподходящий момент. Медальон на груди внезапно стал горячим, почти обжигающим сквозь ткань старой рубахи, а золотистые искорки в его зелено-карих глазах вспыхнули с новой силой.

И тут случилось то, что окончательно разрушило привычную реальность изумленного подростка.

Он услышал это. Это не был человеческий голос, не было это и привычным шумом ветра. Это был сам воздух Верескового леса, который вдруг обрел смысл, форму и четкие слова прямо в его голове. Ветер испуганно бился в кронах вековых дубов, сгибал до земли сосны, свистел между колючими ветками, и Тарион, сам не понимая как, начал различать в этом хаотичном шуме панический, шелестящий шепот.

«Беги, маленький Грейвинд! Беги, пока не поздно! Тень проснулась! Она голодна, она чувствует зов! Корни земли кричат от боли! Спрячься за старый вывернутый дуб справа, живей!»

Тарион ошалело оглянулся, его каштановые волосы растрепались от резкого порыва воздуха. Ветер не просто шумел — он физически подталкивал его в спину, указывая направление, сдувая сухие листья в сторону массивного дерева. Мальчик послушался какого-то древнего, спящего доселе инстинкта. Он перекатился через голову, больно ударившись плечом о камень, упал в густые, колючие заросли вереска и ползком вполз под массивные, вывернутые из земли корни старого погибшего дуба. Серая, растрескавшаяся кора дерева была покрыта плотным слоем влажного мха, который надежно укрыл его маленькое тело, пахнущее домашним дымом и неожиданным испугом.

В ту же секунду на поляну ворвалось чудовище, и всё вокруг словно окрасилось в иссиня-черные тона.

Тарион мертвой хваткой зажал рот ладонями, стараясь не то что не закричать — даже не дышать, хотя легкие уже горели от нехватки воздуха. Через узкую щель между переплетенными корнями дуба он видел все во всех ужасающих, кошмарных подробностях, которые навсегда врежутся в его память. Это был Лесной Преследователь — легендарная тварь, о которой дедушки в Каменном Ручье рассказывали страшные сказки долгими зимними вечерами, когда угли в очаге начинали гаснуть. Но сказки не передавали и сотой доли того ужаса, который исходило это существо.

Монстр напоминал огромного, чудовищно изломанного волка размером с хорошую ломовую лошадь. Его шкура была соткана не из шерсти, а из переплетенных гнилых корней, черной болотной грязи и острых осколков темного сланца, которые тускло поблескивали в полумраке чащи. Вместо глаз у чудовища горели два мертвенно-желтых уголька, источавших слабый дым. Огромная пасть, усаженная острыми сколами кремня вместо зубов, тяжело открывалась, выпуская клубы серого, зловонного пара, от которого мгновенно пожухла и пожелтела трава у его лап. Его движения были неестественными, дергаными, будто им управлял неопытный кукловод, дергающий за невидимые нити.

Монстр остановился точно в центре разрушенной поляны, прямо там, где еще минуту назад лежал расколотый пополам валун. Он низко опустил свою массивную морду к парящей земле, шумно, с присвистом втягивая ноздрями воздух. Чудовище искало след. Оно искало источник той невероятной, чистой силы магии воздуха, которая только что взорвала вековую тишину Верескового леса и пробила тучи над Серыми холмами.

«Он ищет меня, — с леденящей ясностью понял Тарион, сжимаясь в комок под корнями. Его мальчишеские мысли путались от ужаса, стирая всю ту взрослую уверенность, которую он пытался напустить на себя дома. — Он чувствует этот медальон на моей шее. Если я издам хоть один звук, если веточка хрустнет... он разорвет меня на части. Но где же Аллан? Почему он так страшно кричал?»

Чудовище издало утробный, рокочущий рык, от которого задрожали деревья. Звук был такой силы и плотности, что с ближайших вековых сосен лавиной посыпалась сухая хвоя, а по поверхности луж пошли частые круги. Лесной Преследователь медленно, со скрипом повернул свою жуткую голову в сторону вывернутого дуба. Желтые глаза-угольки уставились прямо в ту щель, где лежал мальчик. Тарион почувствовал, как медальон на его груди стал пульсировать еще быстрее, становясь горячее и словно пытаясь предупредить своего нового хозяина о смертельной опасности. Мальчику показалось, что чудовище видит его насквозь, видит его испуганные зелено-карие глаза и дрожащие пальцы.

«Не шевелись, дитя ветра, — снова прошептал едва слышимый, прохладный ветерок, пробравшийся сквозь земляные щели к самому его уху. — Мы отведем его взгляд. Замри. Стань серым камнем. Стань частью этой старой, уставшей земли. Забудь про свое дыхание».

Тарион зажмурился так сильно, что в глазах поплыли цветные круги. Он изо всех сил постарался мысленно раствориться в темноте своего подземного убежища, забыть о страхе, думать только о маме, которая сейчас, наверное, строго стучит ложкой по столу, призывая близнецов к порядку, о маленьких сестрах Эмме и Кларе, которые ждут его дома с охапкой дров. Он заставил себя поверить, что он — лишь продолжение этого старого дуба.

Внезапно сильный, яростный порыв ветра ворвался на поляну с противоположной стороны, словно живое существо, решившее вступить в бой за жизнь мальчика. Ветер с шумом закрутил сухие листья, поднял в воздух целое облако фиолетовых лепестков увядающего вереска и с грохотом ударил по густым кустам на противоположном краю чащи. Мертвые, сухие ветви хрустнули там так громко и отчетливо, будто сквозь них в панике бежал крупный олень или человек.

Желтые глаза монстра мгновенно переключились на этот внезапный шум. Поверив искусному обманному маневру лесного ветра, Лесной Преследователь издал яростный, глухой рев

и огромными, тяжелыми прыжками бросился в глубь леса, уносясь прочь от поляны. Треск ломающихся деревьев и топот его каменных лап быстро удалялись в сторону каменистых круч Серых холмов, оставляя за собой лишь шлейф болотной вони.

Тарион подождал еще несколько тяжелых минут, прежде чем решился наконец открыть глаза. Его руки и ноги дрожали так сильно, что он едва смог выбраться из своего узкого убежища, цепляясь курткой за корни. Весь его комбинезон был испачкан в черной грязи, лицо горело от царапин, а сердце всё еще пыталось пробить грудную клетку.

— Спасибо... — тихо, одними сухими губами прошептал мальчик, глядя на колышущиеся верхушки деревьев, которые постепенно успокаивались. В ответ листва мягко, едва слышно зашумела, словно принимая его благодарность.

Но расслабляться и поддаваться детской слабости было нельзя. Страшный крик Аллана все еще стоял у него в ушах, выжигая изнутри все остальные мысли. Тарион схватил свою холщовую сумку и веревку, которые чудом не выронил во время падения, и, забыв про собранный валежник, бросился бежать по едва заметной тропинке назад, к опушке леса, граничащей с подножием Серых холмов.

Каждый шаг давался подростку с огромным трудом. Его небольшое тело, не отличавшееся богатырским сложением или высоким ростом, не было приспособлено к таким сумасшедшим забегам по пересеченной местности, где из земли то и дело торчали острые камни и коварные корни. Непослушные каштановые волосы намокли от пота и лезли в глаза, дыхание со свистом вырывалось из груди, а в боку немилосердно, остро кололо. Но мысль о том, что старший брат, его неизменная опора, находится в беде, гнала его вперед, заставляя преодолевать физическую немощь.

Аллан всегда защищал его в деревне. Когда местные мальчишки, сытые и наглые сыновья зажиточных крестьян, смеялись над старой одеждой Тариона или над его детской наивностью, Аллан всегда вырастал за его спиной — огромный, светловолосый, спокойный и надежный, как вековая скала Каменного Ручья. Он никогда не распускал руки без причины, но одного его строгого взгляда серых глаз хватало, чтобы обидчики ретировались. «Теперь моя очередь быть сильным, — упрямо думал Тарион, вытирая слезы обиды и страха на бегу. — Я должен успеть. Я обязан его спасти, чего бы мне это ни стоило».

Он на полной скорости выбежал на каменистую опушку леса, где плавные вересковые поля резко сменялись крутыми, серыми склонами холмов. Плотный, холодный туман висел здесь рваной, зловещей пеленой, скрадывая очертания скал и делая мир вокруг похожим на призрачное королевство. И прямо у подножия первой, самой высокой скалы, возле заброшенной каменоломни, Тарион наконец увидел знакомую фигуру.

— Аллан! — закричал мальчик, окончательно срывая голос и переходя на хрип.

Высокий светловолосый парень сидел прямо на холодном, сыром валуне, неестественно подогнув под себя правую ногу и крепко сжимая ее обеими руками. Его старая рабочая куртка была разорвана на плече до самой кожи, лицо в утреннем полумраке казалось бледным, как кусок мела, а на лбу, несмотря на холодный ветер, выступили крупные, блестящие капли пота. Рядом на каменистой земле лежала тяжелая железная кирка с треснувшей деревянной рукояткой — инструмент, который он тайком взял на мельнице в надежде подработать на каменоломне в свои редкие часы отдыха.

— Тари?.. — Аллан с трудом поднял голову, его светлые пряди слиплись от пота. В его серых глазах, всегда таких уверенных и взрослых, сейчас отразился самый настоящий, неподдельный страх. — Что ты здесь делаешь, братишка?.. Я же... я же просил тебя близко не подходить к лесу! Ты видел это?.. Ты видел этот проклятый свет? Земля заходила ходуном, будто мир рушится! А потом... прямо из тумана выскочило это адское отродье. Оно пронеслось совсем рядом...

Тарион на мгновение застыл, пораженный тем, каким беспомощным сейчас выглядел его старший брат. Это зрелище больно резануло по сердцу — его личный ориентир силы и уверенности был сломлен. Мальчик подбежал к брату и резко упал перед ним на колени, не обращая внимания на то, как острые камни впились в его неокрепшие суставы.

— Я видел его, Аллан. Оно было на моей поляне, совсем близко. Что с твоей ногой? Оно тебя ранило? Скажи мне!

— Нет, к счастью, нет... — Аллан болезненно поморщился, его челюсти сжались так сильно, что на щеках заиграли желваки, когда он попытался слегка пошевелить ступней. — Я работал здесь, когда слышал этот жуткий грохот в глубине чащи. Земля качнулась, и туман с холмов повалил такой густой, что в двух шагах ничего не было видно. Я испугался за тебя, бросил кирку и побежал к лесу... Но нога соскользнула на мокром сланце, и я всем весом провалился в глубокую расщелину. Сустав... кажется, я его вывернул или сломал. Думал, что мне конец, когда из чащи раздался этот утробный рык. Я кричал от боли и от злости, что не могу даже подняться, чтобы защититься... Но монстр почему-то пронесся мимо, словно его внимание отвлек какой-то сильный шум в другой стороне.

Тарион с трудом сглотнул подступивший к горлу тяжелый комок. Он прекрасно знал, что именно отвлекло Лесного Преследователя. Точнее, *кто* срежиссировал этот спасительный маневр. Но сейчас, глядя на бледное лицо брата, было не ко времени рассказывать фантастические истории о говорящем ветре и древних духах. Детский разум Тариона понимал: нужно действовать, а не рассуждать.

— Давай, вставай. Обопрись на меня, слышишь? — Тарион решительно подставил свое небольшое плечо под массивную руку старшего брата, упираясь ногами в скользкие камни.

Аллан посмотрел на брата с явным удивлением, сквозь которое проглядывала добрая тень уважения. Тарион всегда казался ему ребенком, которого нужно опекать, контролировать и отчитывать за мелкие шалости. Но сейчас в зелено-карих мальчишеских глазах горела такая взрослая, непреклонная решимость, а черты его приятного лица так заострились, что Аллан лишь послушно и тяжело кивнул. Он с трудом поднялся, преодолевая вспышку боли, и навалился всей своей массой на плечи младшего брата.

Тарион сильно пошатнулся, его колени подогнулись, а зубы закрипели от нечеловеческого напряжения. Ему казалось, что его сейчас просто раздавит, но он упрямо выпрямил спину, удерживая равновесие. Он не позволит брату остаться здесь, в тумане, где рыщет каменный волк.

— Медальон... — Аллан вдруг прищурился, его серые глаза сфокусировались на странной круглой вещи, которая выбилась из-под ворота грязной рубашки Тариона во время движения. От неё все еще исходило едва заметное, призрачное лазурное свечение, пульсирующее в такт дыханию мальчика. — Тари... что это у тебя на шее? Откуда ты взял эту богатую побрякушку? Мы же нищие...

— Дома, Аллан. Все разговоры дома. Мама должна это увидеть, она поймет. Нам нужно уходить отсюда, пока туман снова не сгустился и эта тварь не вернулась по нашим следам.

Путь назад до Каменного Ручья показался Тариону настоящим кругом ада. Каждый шаг давался с трудом, тяжелое тело Аллана давило на него, а мокрая одежда липла к телу, вызывая озноб. Деревенские улицы, обычно сонные в это время, теперь встретили их тревожным, сердитым шумом. Жители Каменного Ручья целыми группами стояли у своих порогов, бурно и испуганно обсуждая недавнее землетрясение и странный лазурный столб света, который на несколько секунд пробил сизые облака над лесом. Лица крестьян были хмурыми, в воздухе висело предчувствие беды. Никто из них не обратил особого внимания на двух оборванных, грязных и смертельно уставших братьев — в этом суровом краю травмы на работе и тяжелый труд были обычным делом, не заслуживающим долгих обсуждений.

Когда они наконец, обессиленные, толкнули хлипкую деревянную дверь своего крошечного дома, силы окончательно покинули Тариона. Они с Алланом громко ввалились в темные сени, со стуком ударившись о косяк.

Мама Мария мгновенно подскочила от очага, выронив тяжелое полотенце. Её бледное, уставшее лицо в один миг потеряло последние остатки румянца. Она всплеснула руками, тугой пучок светлых волос на голове слегка растрепался, а глубокие синяки под глазами казались еще темнее, проступая на коже как настоящие отпечатки вечной усталости.

— Боже мой! Что случилось?! Аллан! Тарион! — ее строгий голос сорвался на испуганный крик. Она бросилась к сыновьям, подхватывая Аллана с другой стороны и помогая усадить его на единственный крепкий табурет у старого стола.

Из спальни тут же с тихим шорохом высунулись две маленькие головы. Клара и Эмма, притихшие и не по-детски напуганные недавним грохотом земли, удивленно смотрели на старших братьев из своего угла. Их испуганные личики, усыпанные мелкими веснушками, были измазаны слезами, а пальцы крепко сжимали края старых лоскутных одеял.

— Аллан сильно поранился? — тихо, со всхлипом спросила Эмма, шмыгая носом.

— На него напал злой лесной дух из дедушкиных сказок? — прошептала Клара, сильнее прижимая к себе одноглазую тряпичную куклу, из-за которой они еще утром так громко дрались.

— Все хорошо, маленькие, не бойтесь, — как можно спокойнее и ласковее сказал Тарион, хотя его самого все еще мелко потряхивало от пережитого шока. — Аллан просто оступился на скользких камнях у каменоломни. Мама, перевяжи ему ногу, пожалуйста. У нас ведь остались чистые холсты?

Мария действовала быстро, жестко и уверенно — суровая школа жизни научила эту одинокую женщину справляться с любыми неприятностями без лишних слез и паники. Она принесла деревянную лохань с холодной водой, осторожно обмыла быстро опухающую, синеющую лодыжку Аллана и туго перевязала ее старым, но стерильно чистым холстом. Старший брат лишь крепко стискивал зубы и до крови кусал губы, чтобы не застонать на глазах у маленьких сестер, демонстрируя мужскую стойкость.

Когда с перевязкой было покончено, и девочки, немного успокоившись под строгим взглядом матери, ушли обратно в свой угол играть, Мария медленно повернулась к Тариону. В ее серых, глубоких глазах не было привычной злости заслушание — в них застыла бесконечная, изнуряющая тревога матери, которая на подсознательном уровне чувствует, что ее ребенок принес в дом что-то такое, что ломает их привычную, пусть и бедную жизнь.

— А теперь Расскажи мне чистую правду, Тарион Грейвинд, — тихо, но с металлом в голосе сказала она, опускаясь напротив него на колени и беря его холодные, дрожащие ладони в свои сухие, мозолистые руки. — Земля дрожала так, что посуда в шкафу побилась. Синий свет в лесу... Это ведь связано с твоим походом за дровами? И... что это за вещь у тебя на груди? Ну же, не молчи!

Тарион глубоко, судорожно вздохнул, чувствуя, как внутри него рушится последняя детская стена лжи. Он понял, что скрывать произошедшее от матери — строгой, но безгранично любящей их — бессмысленно и даже опасно. Он медленно запустил руку под ворот грязной рубахи и достал лазурный медальон на всеобщее обозрение, от которого, как только он оказался на свету, крошечная комната дома Грейвиндов словно погрузилась в глубокую, затяжную тишину. Лазурный металл больше не горел слепящим пламенем, но внутри его полупрозрачной глубины, словно под тонким слоем горного хрусталя, медленно переливались и кружились маленькие серебряные искры, напоминающие ночные звезды. Тяжелая цепочка, сделанная из неизвестного, невесомого материала, словно приклеенная, плотно лежала на шее мальчика, как будто была отлита именно для него.

Мария, едва увидев медальон, резко, со звуком выдоха отпрянула назад, едва не упав на земляной пол. Ее глаза расширились от дикого ужаса, а рот приоткрылся в немом, застывшем крике. Она судорожно прикрыла ладонью губы, и крупные слезы, которые эта строгая женщина так долго и упорно сдерживала внутри себя ради детей, бурным потоком покатились по ее уставшим, покрытым ранними морщинками щекам.

— О нет... — мертвенным шепотом проговорила она, качая головой из стороны в сторону. — Нет, нет, только не это... Я думала, что оно похоронено навечно под тяжестью веков. Я думала, что проклятый Вересковый лес никогда, ни за что не отдаст его обратно людям. Почему именно сейчас? За что нам это?..

Аллан, сидевший на табурете и морщившийся от боли в ноге, удивленно и тревожно переглянулся с Тарионом. Вся эта сцена пугала его не меньше, чем тот каменный волк в тумане.

— Мама? Ты... ты знаешь, что это за вещь? — не выдержал старший брат, подаваясь вперед. — Откуда у нашего героя магия?

Мария закрыла лицо ладонями, ее худые плечи мелко и часто дрожали от беззвучных рыданий. Тарион, преодолев собственное оцепенение, подошел к ней вплотную и нежно обнял ее за плечи. От мамы, несмотря на всю ее внешнюю строгость, всегда пахло домашним мылом, торфяным дымом от очага и тем самым неповторимым, родным теплом, которое защищало его в самые лютые зимние морозы.

— Мамочка, расскажи нам все, пожалуйста, — попросил мальчик, и в его голосе снова прорезались детские, умоляющие нотки. — Я слышал ветер в лесу. Он говорил со мной, он называл меня по имени! Он помог мне спрятаться от жуткого Лесного Преследователя, он увел его взгляд... Что со мной происходит? Я схожу с ума?

Мария медленно опустила руки, являя сыновьям лицо, на котором строгая маска матери окончательно уступила место глубокой, кровоточащей ране прошлого. Она посмотрела на лазурные искры Ока Бури, затем перевела взгляд на бледного Аллана и, наконец, заглянула в зелено-карие глаза двенадцатилетнего Тариона. В ее сером взоре больше не было упрека за нарушенный запрет — там застыло трагическое смирение женщины, которая поняла, что судьбу невозможно обмануть нищетой.

— Ты не сходишь с ума, мой дорогой Тари, — тихо, но с пугающей отчетливостью произнесла она, и ее мозолистые ладони крепче сжали детские пальцы сына. — Ветер действительно говорил с тобой. Он узнал тебя, потому что в твоих жилах течет благородная кровь Хранителей. Пора открыть вам обоим ту страшную правду, которую я так упорно пыталась спрятать за стиркой чужого белья и штопкой лохмотьев. Вы с самого детства верили моей лжи о том, что ваш отец был простым лесорубом, трагически погибшим под каменным завалом в холмах, когда вы были совсем крохами. Это не так. Ваш отец, Эладор Грейвинд, был великим магом и последним истинным защитником Столицы Семи Башен.

Мария тяжело вздохнула, и по ее веснушчатым щекам снова покатились горячие слезы, смывая дорожную копоть.

— Двенадцать лет назад, когда темные ордена Хранителей Черного Пламени устроили заговор при дворе короля и сокрушили наш древний замок, нам пришлось спасаться бегством под покровом ночи. Ты, Аллан, тогда был совсем маленьким, четырехлетним ребенком и плакал от голода на моих руках, а ты, Тарион, родился прямо в дороге, во время страшной грозы в заброшенном каретном сарае. Разбитые тракты привели нас сюда, на самую пограничную окраину королевства. Мы надеялись, что в Каменном Ручье, среди каменистых пустошей и простых крестьян, Тьма никогда не догадается искать Хранителя Ветра. Семь лет мы жили в относительной безопасности. Отец гнул спину на каменоломнях, таская гранитные глыбы ради постройки нашего крошечного дома, а я бралась за любую грязную работу, лишь бы прокормить вас. Именно здесь, в этой глуши, у нас родилось еще одно общее чудо — ваши маленькие сестры-близняшки, Эмма и Клара.

Она обернулась на спальню, где за занавеской притихли пятилетние девочки, и ее голос опустился до ледящего душу шепота:

— Но Тьма Столицы не прощает тех, кто уносит ее тайны. Ровно пять лет назад, когда близняшки были еще грудными крохами, поисковые заклинания магов ордена все-таки выследили Эладора. Чтобы увести конную погоню от нашего порога, чтобы защитить меня, маленьких девочек и вас, моих мальчиков, отец принял свое последнее решение. Он ушел глубоко под навес векового Верескового леса и добровольно запечатал медальон Око Бури в самом древнем валуне, отдав всю свою жизненную силу и магическую кровь без остатка, чтобы закрыть след артефакта. Он умирал там ради нас в полном одиночестве. Пять лет я хранила эту тайну. Я заставляла вас жить в нищете, ела пустую овсянку без масла и запрещала Тариону даже смотреть в сторону леса, надеясь, что магия отца уснула навеки. Я думала, если вы вырастаете обычными, грубыми крестьянами, то будете в безопасности от Валериана. Но Око Бури дождалось твоего двенадцатилетия, Тари. Печать Эладора сокрушена твоей собственной кровью. И теперь те, кто убил вашего отца, знают, что преемник Грейвинда пробудился.

Мария медленно подняла голову, убирая ладони от лица. Она тщательно вытерла слезы краем своего застиранного передника, попыталась натянуть на лицо свою привычную строгую маску, но маска вышла горькой и надтреснутой. Она долгим, пронзительным взглядом посмотрела в зелено-карие зрачки Тариона, затем перевела взор на бледного Аллана.

Комната Грейвиндов словно погрузилась в глубокий полумрак, несмотря на то, что на улице был полдень. Даже близняшки в своем углу полностью затихли, перестав шуршать игрушками и внимательно прислушиваясь к каждому слову матери. Тарион слушал мать, боясь шелохнуться или пропустить хоть единый звук. В его маленькой голове, словно кусочки сложного витража, наконец-то начали складываться воедино все странности его короткой жизни. А необычные зелено-карие глаза, золотистые искры, которые он порой замечал в зеркале во время сильных гроз, его необъяснимая, тонкая связь с природой, когда он заранее знал, с какой стороны подует ветер, — все это не было ошибкой природы. Это было великое и опасное наследие его отца.

— Но магия отца не уснула окончательно... — тихо, со звоном в голосе произнес Аллан, переводя тяжелый взгляд со сломанной кирки на младшего брата. — Она просто ждала, пока Тарион не достигнет нужной зрелости?

— Древняя магия воздуха всегда выбирает преемника исключительно по прямой линии крови, — Мария протянула свою руку и нежно, с нетипичной для нее мягкостью коснулась веснушчатой щеки Тариона. — Несколько дней назад тебе исполнилось двенадцать лет — возраст первого духовного созревания мага. Твоя собственная, пробудившаяся кровь вошла в резонанс с артефактом отца и сокрушила печать Эладора. Но это значит... о боги, это значит, что древняя защита пала! И не только несчастный Лесной Преследователь на поляне почувствовал этот мощный всплеск силы. Те темные твари и маги, что безжалостно убили твоего отца, Хранители Черного Пламени в Столице... они теперь тоже знают, что Око Бури проснулось и находится в руках нового хозяина.

В тесной комнате дома Грейвиндов повисла тяжелая, почти осязаемая гнетущая тишина. Тарион молча смотрел на свои ладони, покрытые мелкими мозолями от домашней работы и грязью Верескового леса. Значит, его отец не был трусом или простым бедняком — он был великим героем, пожертвовавшим собой ради них. Но этот внезапный дар теперь ставил под смертельный удар всю его семью, которую он так отчаянно хотел защитить. Если Хранители Черного Пламени или темные монстры придут в Каменный Ручей, они камня на камне не оставят от их крошечного дома, уничтожат и маму, и покалеченного Аллана, и маленьких, беззащитных близнецов.

«Я не позволю им навредить моей семье, — с небывалой для него ранее жесткостью и взрослой решимостью подумал Тарион. В его добром, веснушчатом лице проступили фамиль-

ные черты отца — упрямство и отвага. — Я найду способ подчинить себе этот ветер. Я защищу их всех, даже если мне придется сразиться со всей Столицей».

Вдруг лазурный медальон Око Бури на его груди резко, болезненно вспыхнул слепящим синим светом. Серебряные искры внутри него закружились в каком-то бешеном, безумном вихре, превращаясь в сплошную полосу сияния. Тарион почувствовал, как мощная волна ледяного холода прошла по его позвоночнику, сковав тело. В его детском сознании перед глазами на мгновение с пугающей, кинематографической четкостью вспыхнула ужасающая картина: темные, заброшенные и глубокие шахты Серых холмов, где в полной, беспросветной темноте медленно, один за другим, открывались тысячи желтых, мертвенно-светящихся глаз Лесных Преследователей и тварей похуже. Земля там кишела ими. И чей-то чужой, замогильный, леденящий душу шепот отчетливо произнес в его голове:

«Мы уже близко... Мы идем за твоей кровью, маленький Грейвинд...»

Тарион громко, испуганно вскрикнул и судорожно схватился рукой за медальон, прерывая контакт. Жуткое наваждение мгновенно исчезло, оставив после себя лишь холодный пот на спине.

И в этот самый драматичный момент снаружи их дома, со стороны деревенской площади, раздался сильный, полный смертельного ужаса крик местного старосты, а вслед за ним над Каменным Ручьем яростно, часто и оглушительно зазвучал медный набатный колокол, призывающий всех мужчин и жителей немедленно хвататься за оружие. На Каменный Ручей шла Тьма.

Глава 3. Исчезновение Аллана

Медный набат деревенского колокола не просто звенел — он нещадно, словно стальной меч, громко разрезал густой осенний воздух над Каменным Ручьем. Каждый удар отзывался тяжелой, вибрирующей болью в груди Тариона. В этих глухих краях колокол созывал людей всего по двум причинам: либо из-за лесного пожара, способного уничтожить бревенчатые постройки за считанные часы, либо из-за прорыва Тьмы со стороны Серых холмов. Судя по тому, как истошно, сбиваясь с ритма, колотил по медному боку старый Томас, повода для иллюзий не оставалось.

— О боже, боже... — испуганно запричитала мама Мария, отходя от стола и судорожно прижимая к груди кухонное полотенце.

Ее строгий, непреклонный вид, который еще минуту назад заставлял Тариона трепетать, мгновенно испарился. Сейчас она выглядела обычной, испуганной женщиной, чье хрупкое семейное гнездо вот-вот растопчет надвигающаяся буря. Синяки под ее глазами на бледном лице казались теперь почти черными. Она метнулась к окну, затянутому мутным бычьим пузырем, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь серую пелену тумана.

Сзади нее, в самом темном углу комнаты, Эмма и Клара разрыдались в один голос. Маленькие близняшки бросили свои игрушки и мертвой хваткой вцепились в подол маминого передника. Их тонкие светлые косички дрожали, а прямые веснушчатые носики сморщились от горьких слез.

— Мама, мне страшно! — всхлипывала Клара. — Там воет серый волк?

— Тихо, девочки, тихо! — Мария попыталась придать своему голосу прежнюю строгость, но он предательски сорвался на хрип. Она повернулась к старшему сыну. — Аллан, ты никуда не пойдешь. Слышишь меня? Твоя нога...

Аллан уже стоял, держась рукой за край потемневшего от времени стола. Лицо его было серым от боли, лодыжка, туго перевязанная чистым холстом, заметно опухла, но в его серых глазах горело упрямство Грейвиндов. Он попытался сделать шаг вперед, но тут же глухо застонал и едва не рухнул обратно на табурет. Тарион едва успел подставить плечо, подхватив брата под мышку.

— Куда ты собрался?! — Тарион снизу вверх посмотрел на старшего брата, и в его зелено-карих глазах смешались злость и страх. — Ты ходить не можешь! Какое тебе оружие? Какая каменоломня?

— Отпусти, Тари, — процедил сквозь зубы Аллан, тяжело дыша и наваливаясь на брата. — Я старший мужчина в этом доме. Если твари из шахт спустятся в деревню, староста прикажет поджечь мост у ручья. Наш дом — самый первый на окраине. Нас сомнут первыми, если мужики не удержат заставу у холмов. Я должен быть там. Хотя бы сидеть на телеге и подавать стрелы!

Тарион чувствовал, как под рубашкой, касаясь голой кожи, бешено пульсирует лазурный медальон Око Бури. Тот страшный образ — тысячи желтых светящихся глаз в глубине заброшенных шахт — до сих пор стоял у него перед взором. Мальчик понимал, что обычные вилы, косы и ржавые мечи, которые деревенские мужики хранили на чердаках, не остановят то, что пробудилось в недрах Серых холмов. Но как объяснить это старшему брату, который привык брать на себя всю ответственность? Для Аллана он все еще оставался маленьким веснушчатым мальчишкой, который вечно путается под ногами и собирает ветки в лесу.

— Аллан, сынок, умоляю, — Мария упала перед старшим сыном на колени, обнимая его здоровую ногу. Строгая мать впервые в жизни плакала навзрыд, не стесняясь своей слабости перед детьми. — Твой отец погиб, защищая нас от этой магии. Я не отдам им еще и тебя. Не пушу!

В этот момент деревянная дверь дома с грохотом распахнулась. В комнату ворвался сырой, ледяной ветер, принес с собой запах гари и паники. На пороге стоял кузнец Бернард. Его кожаный фартук был забрызган грязью, а в мощной руке он сжимал тяжелый кузнечный молот.

— Мария! Аллан! Вы чего тут расселись?! — тяжело дыша, пробасил кузнец. — Из старых шахт Серых холмов повалил черный дым! Охотники говорят, там завалы рушатся, и из темноты лезут каменные твари! Староста собирает всех, кто может держать железо, у старого амбара. Аллан, парень, ты где свою кирку оставил? Живее на выход!

— Бернард, он не может! — выкрикнула Мария, поднимаясь с колен и заслоня собой сына. — Он вывернул ногу у каменоломни! Он не шагнет и двух метров!

Кузнец нахмурился, перевел взгляд на перебинтованную ногу Аллана, затем на бледное лицо парня. Бернард сплюнул на земляной пол и выругался.

— Проклятье... Ладно. Мария, запирайте двери на все засовы. Окна заколотите досками. Если мы не удержим тварей на верхнем склоне, бегите через Вересковый лес к южному тракту. Не ждите никого. Тарион! — кузнец строго посмотрел на мальчика. — Ты теперь за старшего. Следи за матерью и девочками. Не вздумай геройствовать, мал еще!

С этими словами Бернард выскочил наружу, с силой захлопнув за собой дверь. Его тяжелые шаги быстро затихли в общем шуме, доносившемся с улицы.

В комнате воцарилась зловещая тишина, прерываемая лишь ударами колокола и тихим плачем близнецов. Тарион стоял неподвижно, его пальцы судорожно сжимали край холщовой сумки. Слова кузнеца «мал еще» привычно резанули по самолюбию, но сейчас обида уступила место леденящему осознанию реальности. Он посмотрел на Аллана. Тот сидел, закрыв лицо руками, и его широкие плечи мелко дрожали от бессильной ярости. Сильный, гордый Аллан, который всегда знал, что делать, сейчас был заперт в четырех стенах собственного бессилия.

— Мам, — тихо сказал Тарион, и его голос прозвучал удивительно твердо для подростка. — Нам нужно заколотить окна. У нас за хлевом лежали старые доски. Я принесу.

Мария лишь молча кивнула, утирая слезы передником и уводя плачущих Клару и Эмму в глубь спальни. Она снова пыталась вернуть себе строгий, собранный вид, но руки ее заметно дрожали, когда она набрасывала тяжелый железный крюк на входную дверь.

Тарион вышел через заднюю дверь во внутренний двор. Небо над Каменным Ручья окончательно потемнело, приобретя грязный, свинцовый оттенок. Со стороны Серых холмов ползли плотные, тяжелые тучи, похожие на клубы черного дыма. Воздух стал настолько холодным, что каждое дыхание мальчика превращалось в густой белый пар.

Мальчик добежал до небольшого навеса за хлевом, где хранились остатки строительного леса. Сердце его продолжало бешено колотиться. Медальон на груди грел, словно маленькая печка, и Тарион чувствовал, как легкий ветерок кружится вокруг его ног, приподнимая полы куртки. Магия отца жила в нем, она требовала выхода, но Тарион совершенно не знал, как ей управлять.

Вдруг со стороны каменоломен донесся оглушительный, раскатистый грохот, за которым последовал коллективный, полный ужаса крик деревенских мужчин. Это не было похожим на обычный обвал. Это был звук рушащейся горы. Набат колокола резко оборвался на самой высокой ноте, словно звонаря сдуло ветром.

Тарион бросил доски и подбежал к забору, ограждающему их двор от верескового поля. Сквозь рваные клочья тумана он увидел, как сверху, со стороны заброшенных шахт, спускается огромная, темная лавина. Но это была лавина не из камней — это были живые существа. Лесные Преследователи и другие, более мелкие, юркие твари, похожие на уродливых каменных крыс, сплошным потоком неслись на оборонительный рубеж деревни. Деревенские мужики во главе со старостой и кузнецом Бернардом отступали к старому амбару, отчаянно отбива-

ясь факелами и вилами. Из Столицы Семи Башен помощи ждать было неоткуда — Каменный Ручей был предоставлен самому себе.

«Они не удержат их, — с ужасом понял Тарион, вцепляясь пальцами в деревянную изгородь. — Тварей слишком много. Они ворвутся в деревню через несколько минут».

Мальчик повернулся, собираясь бежать назад в дом, чтобы предупредить маму и готовить сестер к побегу в Вересковый лес, как велел Бернارد. Но стоило ему сделать шаг, как дверь дома распахнулась.

На порог, тяжело опираясь на толстую суковатую палку, которую он, видимо, нашел в кладовой, выбрался Аллан. Его лицо было бледным, на лбу горела лихорадочная решимость. Он даже не смотрел в сторону Тариона. Его серые глаза были устремлены туда, где у амбара шло кровавое побоище.

— Аллан! Назад! — закричал Тарион, бросаясь к брату. — Они прорвали оборону! Нужно бежать в лес!

Но старший брат словно не слышал его. Он упрямо, волоча за собой покалеченную ногу, двинулся вдоль забора к калитке, ведущей на деревенскую улицу. В его свободной руке был зажат старый отцовский охотничий нож — единственное оружие, оставшееся в доме.

— Я должен отвлечь их от дома, Тари, — хрипло бросил Аллан, даже не оборачиваясь на крик младшего брата. — Если они пойдут по главной дороге, они учуют маму и девчонок. Я уйду к старым сушильням. Твари глупые, они пойдут за мной. Забирай маму и уводи их через овраг к южному тракту. Живее! Это мой последний приказ тебе, братишка!

— Нет! Аллан, стой! — Тарион попытался схватить брата за куртку, но Аллан со всей силы оттолкнул его свободной рукой.

Мальчик не удержался на ногах и полетел в грязь, больно ударившись локтем. Когда он поднялся, отплевываясь от грязной воды, Аллан уже миновал калитку. Несмотря на страшную боль в ноге, старший брат двигался удивительно быстро, подгоняемый твёрдой решимостью и желанием спасти свою семью. Он громко закричал, привлекая к себе внимание тварей, и заковылял в сторону заброшенных зерновых сушилен, которые стояли на самом отшибе, ближе к Серым холмам.

Из тумана тут же выскочили три каменные твари, похожие на преследователя с поляны, но чуть меньшего размера. Они услышали крик Аллана, повернули свои уродливые головы с желтыми глазами-угольками в его сторону и с яростным рыком бросились в погоню. Высокая фигура старшего брата быстро скрылась в густом, сером мареве, преследуемая монстрами.

— Аллан!!! — Тарион вскочил на ноги, его сердце разрывалось от крика.

Он хотел побежать вслед за братом, наплевав на все запреты и собственную слабость. Ему было плевать, что он еще слишком мал, он просто не мог бросить Аллана умирать. Но в этот момент из дома с диким криком выбежала мама Мария. Она увидела пустую калитку, увидела Тариона в грязи и три силуэта чудовищ, уносящихся в туман за сушильни.

— Аллан!!! Сынок!!! — ее крик был полон такого страшного, материнского отчаяния, что Тарион замер на месте.

Мария бросилась к калитке, но споткнулась и упала прямо на колени, протягивая руки к туману, который поглотил ее старшего сына. Близняшки Эмма и Клара выбежали следом, они плакали, прижимаясь к матери и ничего не понимая. Вокруг них царил настоящий хаос: горели крайние дома деревни, слышались крики людей, рычание монстров и свист ледяного ветра.

Тарион подбежал к матери, пытаясь поднять ее. Медальон на его груди раскалился до такой степени, что ткань рубахи начала слегка тлеть. Воздух вокруг Грейвиндов внезапно закружился маленьким, яростным смерчем, разгоняя наползающий туман и создавая вокруг испуганной семьи подобие защитного купола.

— Мама! Мама, вставай! — сквозь слезы кричал Тарион, дергая Марию за худые плечи. — Аллан увел их! Он просил нас уходить в лес! Если мы останемся здесь, его жертва будет напрасной! Мама, посмотри на меня!

Строгий взгляд Марии, затуманенный слезами, с трудом сфокусировался на младшем сыне. Она увидела лазурный блеск на его груди, увидела, как ветер послушно кружится вокруг его каштановых волос, защищая их от летящего пепла и грязи. В этот страшный миг наивная и уставшая женщина поняла, что ее маленький Тари — больше не просто ребенок. Он — Хранитель Ветра, как и его отец. И сейчас судьба оставшихся детей зависит только от него.

Мария проявила невероятное усилие воли. Она сжала зубы, поднялась с земли и крепко схватила за руки Клару и Эмму, которые в отчаянии захлебывались от слез.

— Через овраг... — хрипловато-твердым голосом произнесла она, глядя в сторону Верескового леса. — Уходим. Тарион, веди нас.

Они бежали сквозь вересковые поля под прикрытием поднявшегося шквального ветра, который, словно живой щит, хлестал в морды тварям, пытавшимся приблизиться к ним из тумана. Тарион бежал впереди, крепко сжимая в руке цепочку медальона. Его зелено-карие глаза горели яростным, недетским огнем. Каждый шаг давался ему с трудом, грудь прерывисто вздымалась, напрягая лёгкие, но он упрямо вел свою семью вперед, вглубь древней чащи, которая когда-то забрала его отца, а теперь должна была стать их единственным спасением.

Они бежали долго, не разбирая дороги, пока звуки гибнущего Каменного Ручья полностью не затихли за их спинами. Вересковый лес принял их под свой мрачный, вековой навес. Здесь, среди гигантских переплетенных дубов и сосен, туман Серых холмов рассеялся, уступив место привычному лесному полумраку.

Мария без сил опустилась на поваленный ствол дерева, покрытый влажным мхом. Она крепко прижала к себе Клару и Эмму, которые от усталости и страха уже засыпали на ее руках, тихо всхлипывая во сне. Их испуганные личики были бледными и испачканными сажей.

Тарион стоял рядом, опершись спиной о ствол старой сосны. Его комбинезон был разорван на колене, лицо горело от царапин, полученных ветками во время бега. Он смотрел назад, в ту сторону, где осталась их деревня, где остался их крошечный каменный дом и... Аллан. Внутри мальчика происходила страшная, болезненная трансформация. Детская наивность, обиды на маму из-за немытой кадки и желание просто доказать свою полезность сгорели в пламени Каменного Ручья. Он чувствовал на своей груди тяжесть Ока Бури и понимал, какая страшная ответственность теперь лежит на его маленьких плечах.

«Аллан жив, — упрямо шептал он сам себе, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. — Он сильный. Он не мог просто так погибнуть. Твари не убили его сразу, они утащили его назад, в шахты Серых холмов. Я чувствую это. Мой медальон чувствует это».

Мальчик закрыл глаза и попытался прислушаться к шелесту листвы над головой. Ветер в лесу больше не паниковал. Он тихо, сочувственно баюкал кроны деревьев, словно оплакивая потерю семьи Грейвинд. Тарион сосредоточился на теплоте медальона. Он мысленно потянулся сквозь пространство, пытаясь уловить хоть какую-то ниточку, связывающую его со старшим братом.

И вдруг медальон отозвался. Короткий, едва заметный лазурный импульс прошел по его телу. В мыслях Тариона на долю секунды возникла четкая, но пугающая картина: глубокие, сырые лабиринты подземных шахт под Серыми холмами. Далеко внизу, в каменной клетке, опутанной странными черными корнями, лежал Аллан. Он был без сознания, его одежда была разорвана, но он дышал. Его сердце билось. А над клеткой, в полумраке пещеры, возвышалась огромная, пугающая фигура в длинной черной мантии, чье лицо скрывал глубокий капюшон. В руке фигуры горел зловещий, темный огонь.

Фигура в капюшоне медленно повернула голову в сторону, словно почувствовала ментальный взгляд мальчика сквозь мили каменной толщи. И тот же замогильный, леденящий

душу голос, который Тарион слышал дома, снова прозвучал в его сознании, заставив его вздрогнуть:

«Я жду тебя, маленький преемник... Приди и спаси своего брата, если осмелишься. Или Око Бури станет моим без боя...»

Тарион резко открыл глаза, тяжело дыша. По его веснушчатым щекам покатались горячие слезы, но в зелено-карих глазах больше не было детского испуга. Там зажглась опасная, непреклонная искра истинного мага воздуха.

Он посмотрел на уставшую, спящую маму, на маленьких беззащитных сестер. Теперь он точно знал, что делать. План сюжета, который он мысленно выстраивал для своей новой жизни, изменился. Он не побежит к южному тракту, как просил Аллан. Он не оставит брата в руках Хранителей Черного Пламени.

— Я вернусь за тобой, Аллан, — тихо, но с абсолютной, взрослой уверенностью прошептал Тарион Грейвинд, глядя на мрачные вершины Серых холмов, поднимающиеся над кронами деревьев. — Чего бы мне это ни стоило.

В этот момент кусты можжевельника на краю их маленькой стоянки с тихим шорохом раздвинулись. Тарион мгновенно вскочил, заслоня собой мать и сестер, и приготовился вызвать защитный вихрь. Из темноты чащи на свет вышла странная, невысокая фигура, полностью закутанная в старый, потрепанный зеленый плащ, пахнувший сушеными грибами и болотной травой. Существо подняло голову, и из-под капюшона на мальчика уставились два огромных, умных и ворчливых глаза лесного жителя.

Глава 4. Попутчик из чащи

Незнакомец не спешил делать следующий шаг. Он стоял на самой границе бледного света, пробивавшегося сквозь плотный навес исполинских дубов, и внимательно разглядывал маленькую семью Грейвинд. Тарион чувствовал, как лазурный медальон на его груди продолжает предупреждающе пульсировать, но этот импульс больше не был леденящим, как при приближении каменного волка. Он был скорее... предостерегающим, как легкий щелчок по носу.

Мальчик упрямо выставил вперед руки, пытаясь воспроизвести то самое ощущение, когда ветер послушно закружился вокруг него на деревенском дворе. Но магия воздуха — капризная стихия. Сейчас, в относительной тишине леса, она никак не хотела отзываться на судорожные приказы донельзя испуганного подростка. Вместо послушного смерча у него получилось лишь поднять небольшое облачко сухой хвои, которое тут же бессильно опало на его порванные поршни. Тарион прикусил губу от досады. Он так хотел выглядеть грозным защитником, но реальность снова напомнила ему, что он всего лишь неопытный ребенок, едва прикоснувшийся к чужой, великой силе.

Существо под капюшоном издало странный звук, похожий на тихое кряхтение старого комода, а затем покачало головой.

— Ох, матушка-природа, до чего же докатился мир, — раздался ворчливый, скрипучий голос, напоминавший шорох сухой коры, трущейся о гранит. — Наследник великого Эладора пытается пугать лесных жителей детскими фокусами с сухими листьями. Твой отец, малец, в твои годы мог одним щелчком пальцев направить стаю диких гусей на юг, а ты только пыль поднимаешь. И веснушек-то, веснушек насажал — на троих бы хватило!

При упоминании имени отца мама Мария мгновенно очнулась от своего тяжелого оцепенения. Она резко выпрямилась на поваленном стволе, инстинктивно пряча спящих близнецов за свою спину. Ее строгие серые глаза сузились, а уставшее, испачканное сажей лицо снова приобрело то жесткое выражение, которым она обычно встречала незваных гостей в Каменном Ручье.

— Кто ты такой? — требовательно спросила она, и в ее голосе, несмотря на пережитый ужас, прорезался металл. — Откуда ты знаешь моего мужа? И что тебе нужно от моих детей?

Существо тяжело вздохнуло, протянуло короткую трехпалую руку в заплатке из сушеного листа кувшинки и аккуратно откинуло назад свой глубокий зеленый капюшон.

Тарион невольно сделал полшага назад, округлив зелено-карие глаза. Перед ними стоял не человек и не монстр из Серых холмов. Это был лесной дух — лешак, но совсем маленький, ростом едва ли по пояс самому Тариону. Его лицо напоминало корень старого дерева, покрытый густой сетью глубоких морщин, вместо бороды рос пушистый зеленый мох, а из-под кустистых бровей смотрели огромные, круглые глаза янтарного цвета, в которых светился недюжинный ум и вековая усталость. Одет он был в кафтан из плотной мешковины, подпоясанный гибким ивовым прутком, а за спиной у него висел плетеный короб, из которого торчали пучки сушеных трав и корешков.

— Зовите меня Корнелиус, почтенная Мария, — лешак отвесил шутовской, но вполне уважительный поклон, прижав руку к своей моховой бороде. — Я был, так сказать, скромным соседом вашего супруга, когда он решил устроить из этой чащи свое последнее прибежище. Тринадцать лет я охранял покой того самого валуна, в который он запечатал Око Бури. Тринадцать лет я терпел, как эта лазурная побрякушка зудит мне под корнями каждую грозу! И вот, стоило вашему веснушчатому сорванцу дорасти до двенадцати зим, как вся моя спокойная жизнь пошла прахом.

Корнелиус сердито ткнул пальцем в сторону Тариона, отчего мальчик густо покраснел.

— Он ведь не просто взял медальон, нет! — продолжал ворчать лесной дух, расхаживая взад-вперед по замшелому бревну. — Он бабахнул такой волной чистой магии, что у меня все запасы маринованных маслят в погребе скисли! А Тьма в Серых холмах? Она ведь спала, лениво ворочалась в своих лабиринтах. Но твой сынок устроил для нее настоящий праздничный салют. Теперь Хранители Черного Пламени знают, что птичка упорхнула из гнезда. Они выгнали из шахт всех Лесных Преследователей, чтобы прочесать каждый куст отсюда и до самой Столицы Семи Башен!

Тарион опустил голову, чувствуя, как внутри него с новой силой закипает горькая обида, смешанная с чувством вины. Ему снова выговаривали, будто он совершил глупую шалость, разбил мамину любимую глиняную крынку или упустил ведро в колодец. Но он ведь не хотел ничего плохого и лишь шел за дровами, чтобы помочь. Он коснулся камня, потому что голос звал его. А теперь из-за него сгорела деревня, а Аллан... Аллан остался там, в подземной ловушке.

— Я не хотел... — тихо, шмыгая носом, прошептал Тарион, и на его глаза навернулись непрошеные слезы. — Я хотел спасти Аллана. Я видел его, Корнелиус! Он жив, он там, под землей, в клетке. Чёрный человек держит его. Я должен пойти туда и забрать его!

Лешак резко остановился, его янтарные глаза удивленно округлились, а моховая борода забавным образом оттопырилась в сторону.

— Что ты сказал, малец? Видел? Сквозь толщу камня Серых холмов? — Корнелиус в одно мгновение оказался прямо перед Тарионом, проявив удивительную для его комплекции прыть. Он схватил мальчика за руку и внимательно посмотрел в его зелено-карие глаза. — Око Бури уже дало тебе истинное зрение? Без предварительного обучения? Без ритуалов? Ну и ну... Кровь Эладора в тебе не просто течет, она там бурлит, как ключевая вода в котле.

Мария поднялась на ноги, преодолевая слабость. Она подошла к лешаку и твердо положила руку на плечо сына.

— Если мой старший сын жив, я вернусь за ним сама, — строго сказала она. — Тарион еще ребенок. Он не умеет сражаться. Твой долг, лесной дух, если ты действительно уважал Эладора, — вывести нас к южному тракту. Мы уедем так далеко, что Хранители Черного Пламени никогда нас не найдут.

Корнелиус горько и сухо рассмеялся, этот звук напомнил треск ломающихся зимних веток.

— Уехать? Спрятаться от Черного Пламени? Ох, наивная, добрая человеческая женщина, — лешак покачал головой, и в его голосе впервые прозвучали серьезные, пугающие нотки. — Печать отца разрушена. Око Бури теперь горит в магическом спектре как маяк посреди беззвездной ночи. Куда бы вы ни пошли — в Столицу, в южные степи или за Море Туманов — ищейки магистра будут идти за вами по пятам. Они сожгут любой город, в котором вы попытаетесь укрыться, так же как они сегодня сожгли ваш Каменный Ручей. Единственный способ остановить их — научить мальчика управлять этой силой. Он должен подтвердить свое право на артефакт.

Тарион слушал их спор, и внутри него зрело важное, взрослое решение. Это было уже не то слепое мальчишеское упрямство, которое гнало его на просеку за дровами вопреки запрету матери. Это было осознание того, что бегство ничего не решит. Если они просто побегут, они погубят и маму, и малышей Клару с Эммой, а Аллан останется гнить в подземной клетке.

— Я не побегу, мам, — твердо сказал Тарион. Он аккуратно высвободил свою руку из ладони матери и сделал шаг вперед, встав вровень с Корнелиусом. — Я не брошу Аллана. Он пошел на монстров ради нас. Если этот ворчливый дух говорит, что я должен учиться, значит, я буду учиться. Корнелиус, ты поможешь мне спасти брата?

Лешак пристально посмотрел на мальчика. В зелено-карих глазах подростка, окруженных россыпью мелких веснушек, сейчас не было страха. Там горела чистая, ясная решимость, унаследованная от Хранителя Ветра.

— Помочь тебе? Хм. Шансов у нас мало, малец. Намного меньше, чем сухих листьев на этом дубе, — проворчал Корнелиус, но в его глазах промелькнула искра одобрения. — Чтобы пробраться в Серые холмы и не стать кормом для Лесных Преследователей, тебе нужно освоить хотя бы первое заклинание Хранителей — «Покров Тишины». Нужно научить твою магию не кричать на весь мир, а шептать.

У нас есть всего одна ночь. На рассвете Тьма станет слишком плотной, и тогда твоего брата унесут в Столицу.

Мария посмотрела на сына, затем на спящих дочерей, и ее строгие плечи бессильно опустились. Она поняла, что проиграла этот спор. Жизнь, которую она так тщательно пыталась сделать обычной, мирной и безопасной, закончилась в то самое мгновение, когда Тарион коснулся лазурного камня.

— Хорошо, — глухо произнесла она, садясь обратно к близняшкам и нежно поправляя им косички. — У нас есть одна ночь. Но если я увижу, что тварь приближается, я заберу детей и уйду, Тарион. Помни об этом.

Корнелиус деловито хлопнул в ладоши, отчего из его моховой бороды вылетело несколько испуганных мошек.

— Меньше слов — больше дела. Мария, вы с девочками оставайтесь в этом кругу дубов. Древние деревья помнят твоего мужа, они не пропустят сюда мелких ищеек, если вы будете сидеть тихо. А мы с веснушчатым героем отойдем к Шепчущему ручью. Магии воздуха нужен простор и звук бегущей воды, чтобы скрыть первые ошибки.

Тарион молча кивнул и пошел вслед за лешаком, который уверенно пробирался сквозь густые заросли папоротника. Мальчик чувствовал, как лесная прохлада приятно освежает его горящее лицо. Мысли его были сосредоточены на одной цели — Аллан. Он должен был стать сильнее, прямо сейчас, за несколько часов, преодолев границы своего слишком юного возраста.

Через несколько минут они вышли на небольшую каменистую отмель у Шепчущего ручья. Вода здесь с тихим журчанием перекатывалась через гладкие серые валуны, создавая ровный, успокаивающий шум. Воздух над ручьем был прозрачным и чистым, без серебристой пыльцы, которая пугала Тариона в глубине чащи.

— Итак, малыш, слушай меня внимательно и не перебивай, — Корнелиус взобрался на плоский камень, чтобы оказаться на одном уровне с глазами Тариона. — Магия воздуха — это не ярость огня и не тяжесть земли. Ты не можешь заставить ветер подчиняться силой своего упрямства. Сила Хранителей — это доверие. Твой отец не приказывал ураганам, он просил их о помощи, как просят старого друга. Понимаешь меня?

— Кажется, да... — неуверенно произнес Тарион, потирая медальон. — В лесу, когда на поляну пришел Лесной Преследователь, ветер сам сказал мне, где спрятаться. Он назвал меня «дитя ветра».

— Вот! — лешак поднял вверх свой короткий трехпалый палец. — Это потому, что артефакт сработал сам, на остатках магии Эладора. Но теперь ты должен сделать это осознанно. Закрой глаза. Перестань думать о том, что ты маленький, что тебе мало лет, что тебя обидел кузнец или отругала мать. Слушай ручей. Слушай, как воздух трется о скалы Серых холмов. Найди внутри себя то место, где тепло от медальона встречается с твоим собственным дыханием.

Тарион послушно закрыл глаза. Окружающий мир мгновенно сузился до звуков. Сначала он слышал только ворчание Корнелиуса, журчание воды и собственное тяжелое, неровное дыхание. Внутри него по-прежнему жил страх за брата, и этот страх сидел в груди тяжелым, холодным камнем, мешая сосредоточиться.

«Я должен убрать этот камень, — подумал Тарион. — Аллан рассчитывает на меня. Если я буду бояться, я проиграю».

Он сделал глубокий, медленный вдох, мысленно потянувшись к лазурной теплоте Ока Бури. Медальон отозвался легким покалыванием. Постепенно, секунда за секундой, мальчик начал ощущать, что воздух вокруг него — не просто пустота. Это была живая, подвижная среда, состоящая из миллионов крошечных невидимых течений. Одно течение пахло сырым мхом, другое принесло с собой далекий запах гари от Каменного Ручья, третье было холодным и резким, спускающимся с Серых холмов.

— Хорошо, мой дружок, вижу по твоему веснушчатому лицу, что ты поймал нить, — тихий голос Корнелиуса теперь казался Тариону очень далеким. — А теперь попробуй сплести из этих течений кокон вокруг себя. Представь, что ты заворачиваешься в тонкое, неведомое одеяло из ветра. Звуки твоего дыхания, стук твоего сердца, твой запах — все должно остаться внутри этого кокона. Внешний мир не должен знать, что ты здесь. Это и есть «Покров Тишины».

Тарион сосредоточился и мысленно потянул к себе течения воздуха, пахнувшие мхом и водой. Он просил их, мягко и бережно, как учил лешак, окружить его, спрятать от Тьмы. Медальон на груди засиял сквозь рубаху ровным, лазурным светом. Золотистые крапинки на руках снова начали едва заметно мерцать.

Вдруг воздух вокруг мальчика резко уплотнился. Звук журчащего ручья мгновенно стих, словно Тариону на голову надели плотную шерстяную шапку. Он больше не слышал шума леса. Наступила абсолютная, звенящая тишина.

— Получилось! — радостно вскрикнул Тарион, открывая глаза.

Но стоило ему заговорить и нарушить концентрацию, как кокон из воздуха с громким, сухим хлопком лопнул. Волна ветра ударила во все стороны, подняв брызги воды из ручья и едва не сдвиг Корнелиуса с его камня. Лешак удержался в самый последний момент, отчаянно махая руками и ворча себе под нос лесные проклятия.

— Ох, разрази тебя гром, веснушчатый ты ураган! — лесной дух сердито вытирал капли воды со своей моховой бороды. — Кто же кричит во время заклинания тишины?! Ты удержал покров всего на три секунды, а шуму наделал на целую милю! Твоя радость ломает магию, малец. Хранитель должен быть спокоен, как застывшее облако. Давай сначала! И пока ты не продержишь покров столько времени, сколько нужно, чтобы досчитать до ста, мы отсюда не уйдем!

Тарион виновато улыбнулся, его приятное лицо снова приобрело то самое по мальчишески упрямое выражение. Он вытер брызги воды со лба, взъерошил каштановые волосы и снова закрыл глаза. Он понял свою ошибку, слишком рано поверил в свою победу, повел себя как ребенок, который радуется новой игрушке. Но сейчас на кону стояла жизнь Аллана, и времени на восторги не было.

Тренировка продолжалась долгие часы. Солнце окончательно зашло за Серые холмы, и над Вересковым лесом раскинулась глубокая, бархатная ночная синева, усыпанная миллиардами далеких звезд. Тарион падал от усталости, его маленькое тело требовало сна, ноги подкашивались, а голова раскалывалась от постоянного внутреннего напряжения. Но каждый раз, когда он готов был сдаться и заплакать от бессилия, перед его взором вставало бледное лицо брата, запертого в подземной клетке. И мальчик снова и снова собирал волю в кулак, закрывал глаза и звал ветер.

К полуночи у него наконец-то получилось то, чего требовал Корнелиус. Тарион смог окутать себя «Покровом Тишины» и удерживать его, медленно шагая по каменистой отмели ручья. Он шел, и под его ногами не хрустел ни один камешек, его одежда не издавала ни единого звука, а сам он казался лишь призрачным силуэтом в лунном свете.

Корнелиус, сидевший на камне и грызущий сушеный корень, удовлетворенно кивнул.

— Ну что ж, малец, для первой ночи неплохо, — проворчал лешак, прыгивая на землю. — Ты упрям, как корень старого дуба. Это хорошая черта для Грейвинда. Твой покров еще тонкий, сильный маг из Хранителей Черного Пламени прожжет его своим взглядом за секунду, но от простых Лесных Преследователей в тумане шахт это должно тебя спасти. Если, конечно, ты опять не решишь радостно завопить на полпути.

— Я не завоплю, — устало, но твердо пообещал Тарион, снимая заклинание. Звуки леса и журчание ручья мгновенно вернулись, обрушившись на его уши. — Теперь мы можем идти за Алланом? Время на исходе.

— Идти-то мы можем, да только ноги твои едва держат, — Корнелиус критически осмотрел оборванного и бледного мальчика. — Вернемся к твоей матери. Тебе нужно отдохнуть хотя бы пару часов до рассвета. Нам предстоит долгий и опасный путь вверх, в самое сердце Серых холмов. Лабиринты шахт — это не твой родной огород, там каждый неверный шаг может стать последним.

Когда они вернулись к кругу древних дубов, мама Мария не спала. Она сидела у слабо тлеющих углей маленького, искусно скрытого лешаком костра, обнимая Клару и Эмму. Девочки крепко спали, свернувшись калачиком под старым плащом. Мария подняла строго застывшее лицо на вернувшегося сына. Она увидела его изможденный вид, порванную одежду, но также заметила и то, как изменился его взгляд. Зелено-карие глаза Тариона больше не были глазами испуганного мальчонка, которого легко обидеть словом. В них светилась тихая, глубокая сила Хранителя.

— Ты готов? — тихо спросила она, и в ее голосе прозвучала покорность судьбе.

— Да, мам, — Тарион подошел, сел рядом и осторожно прижался к ее плечу, позволяя себе на несколько минут снова побыть просто сыном. — Я найду Аллана. Я обещаю тебе.

Мария ничего не ответила, она лишь крепче обняла его за плечи и поцеловала в растрепанную, каштановую макушку. Она знала, что на рассвете ее маленький мальчик уйдет туда, откуда многие взрослые мужчины никогда не возвращались.

Два часа сна пролетели как одно мгновение. Когда первые, едва заметные серые лучи рассвета начали пробиваться сквозь туман на горизонте, Корнелиус грубо потряс Тариона за плечо.

— Вставай, веснушчатый мальчуган, пора, — прошептал лешак. — Тьма начинает редеть, это наш единственный шанс проскочить заставу у подножия Серых холмов.

Тарион мгновенно открыл глаза, сон как рукой сняло. Он проверил медальон — Око Бури приятно согревало грудь, готовое к новым испытаниям. Мальчик повернулся к матери, которая уже стояла на ногах, держа за руки проснувшихся близнецов. Клара и Эмма испуганно смотрели на брата, чувствуя важность момента своими маленькими детскими сердцами.

— Будь осторожен, Тари, — прошептала Мария, и ее строгий взгляд на секунду дрогнул от подступивших слез. — Верни мне моего сына. И вернись сам.

Тарион молча кивнул, крепко обнял маму и сестер на прощание, а затем повернулся к Корнелиусу. Лесной дух уже затягивал лямки своего плетеного короба за спиной.

— Ну что, смельчак, держи свой «Покров Тишины» наготове, — тихо проворчал лешак, делая шаг в сторону крутых склонов Серых холмов. — Начинается наше маленькое подземное приключение. И помни: если мы попадемся, я превращусь в обычный корень и притворюсь мертвым, а вот тебе придется несладко.

Они двинулись в путь, оставляя безопасность Верескового леса позади. Воздух становился все более холодным и сухим по мере того, как они поднимались по крутым, каменистым тропинкам Серых холмов. Плотный серый туман снова начал окутывать их фигуры, скрывая мир вокруг. Тарион шел шаг в шаг за Корнелиусом, активировав заклинание тишины. Вокруг них царило зловещее безмолвие, прерываемое лишь далеким, едва слышным гулом, идущим из глубины горы.

Через час напряженного подъема Корнелиус резко остановился и прижался к плоской скале. Тарион замер рядом, едва переводя дыхание.

Прямо перед ними, в полусотне шагов, зиял огромный, мрачный зев заброшенной шахты, откуда когда-то деревенские жители во главе с Алланом таскали камень. Но теперь вход в подземелье выглядел иначе. Вокруг него были разбросаны обломки старых телег, разбитые факелы и брошенные вилы — следы вчерашнего разгрома обороны Каменного Ручья.

Но самое страшное было не это. Прямо у входа в забой, лениво похаживая взад-вперед, караулили два огромных Лесных Преследователя. Их каменные шкуры тускло поблескивали в утреннем тумане, а желтые глаза-угольки внимательно сканировали каменистую тропу. Пройти мимо них незамеченными казалось абсолютно невозможной задачей для любого человека.

Тарион почувствовал, как медальон на его груди снова начал мелко вибрировать. Мальчик сосредоточился, удерживая «Покров Тишины» изо всех сил, хотя его юное сердце готово было выскочить из груди от страха.

Корнелиус повернул голову к Тариону и одними губами, беззвучно произнес: «Твой выход, малыш. Проверим, чему ты научился за ночь. Нам нужно проскользнуть прямо между ними».

Тарион сглотнул слюну, сделал глубокий вдох и приготовился сделать первый шаг к смертельной ловушке.

Вдруг из глубины темного туннеля шахты донесся странный, пронзительный свист, за которым последовал тяжелый, влажный шлепок, словно на каменный пол упало что-то огромное и мягкое. Оба Лесных Преследователя мгновенно замерли, развернулись к черному входу в забой и издали испуганный, утробный скулеж, который никак не вязался с их огромными размерами. Твари начали медленно, пятясь задом, отступать из шахты наружу, словно спасаясь от кого-то, кто был намного страшнее их самих.

И в этот момент из полной темноты подземелья, медленно переставляя длинные, тонкие как спицы суставчатые лапы, на свет начала выбираться гигантская, покрытая блестящим черным панцирем многоножка с человеческим, мертвенно-бледным лицом вместо головы. Ее пустые, белесые глаза уставились прямо туда, где за плоским валуном прятались изумлённый Тарион Грейвинд и маленький лесной дух.

Глава 5. Серые холмы и ловушка гоблинов

По мертвенно-бледному человеческому лицу на теле гигантской суставчатой многоножки невозможно было определить возраст. Кожа лица казалась туго натянутым на череп пергаментом, сквозь который отчетливо проступали синеватые, гнилые жилы. Белесые, словно лишенные зрачков, глаза безразлично смотрели в пространство, но Тарион чувствовал, как от этого застывшего взгляда по его затылку растекается липкий, парализующий холод. Тварь замерла на самом пороге шахты, будто прислушиваясь к невидимым подземным токам. Тысячи ее тонких, острых лап мерно, со звуком рассыпающихся по сухому дереву костей, перебирали по каменистой насыпи, оставляя на серой пыли глубокие, рваные борозды.

Лесные Преследователи, огромные каменные волки, продолжали пятиться, жалобно скуля и прижимая уши к своим уродливым головам. Они, наводившие ужас на всю деревню и сжегшие Каменный Ручей, перед этим жутким подземным порождением казались лишь напуганными, жалкими дворнягами, готовыми в любой момент поджать хвосты. Вся их бывлая ярость испарилась под воздействием тяжелой, удушливой ауры, которую источал Сколопендр-Пересмешник.

Корнелиус замер, словно впрессованный в узкую трещину скалы. Его янтарные глаза сузились до размеров игольного ушка, а дыхание полностью прекратилось. Лесной дух не шевелился, и в бледных лучах восходящего солнца его покрытая сухим мхом фигура действительно ничем не отличалась от обычного куска замшелого, выветренного гранита, каких вокруг были тысячи.

Тарион сжал зубы так сильно, что в челюстях возникла тупая боль. Каштановые волосы намокли от холодного пота, а пальцы судорожно вцепились в ремень холщовой сумки. «Покров Тишины», который он с таким невероятным трудом удерживал всю дорогу от самого леса, сейчас грозил лопнуть от одного лишь бешеного, глухого стука его собственного сердца. Мальчику казалось, что этот стук разносится по всей округе, как удары набатного колокола, что заставило сосредоточиться на теплоте Ока Бури. Медальон на груди мелко вибрировал, словно посылал невидимые сигналы: малейший всплеск паники — и лазурный свет прорвется сквозь ткань рубахи, выдав их местоположение Хранителям Черного Пламени. Тарион мысленно умолял течения воздуха оставаться неподвижными, соткать вокруг него плотную, невесомую вуаль, сквозь которую не проникнет ни один звук, ни одно движение, ни один человеческий запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.